

И. И. Муллонен

ОЙКОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ В РАЗВИТИИ¹

В статье анализируется система карельских ойконимов южной Карелии с позиций ее развития во времени. Для этого наряду с современными полевыми материалами привлечен широкий круг исторических источников (писцовые и переписные книги XV-XVII веков, материалы ревизий XVIII-XIX веков, исторические карты, а также некоторые другие документы прошлых веков). В результате исследования прослежены две четких тенденции в развитии ойконимной системы: рождение новых ойконимов – наименований вновь возникших поселений и смена прежних ойконимов на новые. Данные процессы протекали параллельно и были спровоцированы социально-экономическим развитием крестьянского сообщества. Выявлено, что отдельные модели бытовали в определенный временной промежуток и могут благодаря этому служить хронологическими маркерами для исследования формирования поселенческой системы. Такова модель сложных по структуре ойконимов с основным элементом *-selgä / -сельга*, помечающая поселения водораздельного типа, которые начинают появляться в южной Карелии на рубеже XVII-XVIII веков в ходе внутренней миграции населения.

Доказано, что в основе смены ойконима в традиционной ойконимии стоит процесс взаимодействия двух уровней номинации: официального (письменного) и народного (устного). Первый стремился к стабильности, второй, наоборот, отличался неустойчивостью, что приводило к разрыву между ними и необходимости время от времени переводить на официальный уровень неофициальные названия. Масштабное переименование, затронувшее всю южную Карелию, произошло, судя по статистическим документам, в середине XIX века. При этом полевые материалы содержат немало народных вариантов ойконимов, не зафиксированных в официальных источниках.

Показано, что анализ динамики в развитии ойконимической системы перспективен для реконструкции этноязыковых и историко-культурных процессов. Доказывается, что появление в XVII веке на территории древнего карельского административного центра Олонца целого пласта ойконимов с формантом *-la* (карел. *-la*) и выход их на официальный уровень бытования вызван активной миграцией переселенцев из Приладожья. Она сыграла решающую роль в формировании ливвиковского наречия в составе карельского языка.

Ключевые слова: ойконимия, антропонимия, топонимные модели, официальные и народные ойконимы, писцовые книги, ревизские сказки, карельский язык, Карелия.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577

Введение

Современная ойконимическая система включает элементы разного времени и является результатом длительного развития, отдельные фрагменты, а в некоторых случаях и этапы которого удается реконструировать благодаря закреплению ойконимов в массовых документах статистического характера.

На фоне других топонимных разрядов ойконимия, под которой в данной статье имеются в виду прежде всего именованья сельских поселений, отличается тем, что у нее есть документальная история, причем, подтвержденная массовым образом, целыми линейками документов статистического, картографического, административного характера. Для территории Карелии эта история, засвидетельствованная в относительно массовом порядке на страницах документов, начинается с XV века, с писцовой книги 1496 г. Сама же история крестьянского освоения, сопряженная с появлением первых относительно устойчивых поселений, датируется археологически с рубежа XIII–XIV вв. [Спирidonov 2014, 118]. К моменту составления писцового описания на территории южной Карелии сформировалась уже сеть поселений, объединённых в гнезда большей или меньшей величины, названия которых доживают до наших дней и свидетельствуют, таким образом, о значительной устойчивости ойконимической системы. В более позднем историческом контексте такие гнезда или кусты – конгломераты, включавшие от нескольких до нескольких десятков одно- или малодворных деревень, во-

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН (Тема № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей»).

круг единого центра – стали именоваться волостями. Их названия абстрагировались со временем из формулы документов XV–XVI вв. «деревня на Шелтозере ...», «на Шокше-речке...», «в Великой губе» и др., превратившись в *Шелтозеро*, *Шокиа*, *Великая Губа*. Это не единственный, но преобладающий путь появления именованных поселенческих гнезд.

В данной статье не анализируются названия стабильных во времени кустов поселений. В центре внимания – наименования отдельных малодворных деревень, входящих в состав кустов, а также тех поселений, которые располагаются за пределами кустов и сформировались в ходе внутренней миграции из них. Они как раз отличаются значительной изменчивостью и отражают динамику в развитии ойконимической системы.

Сквозной анализ источников XVI–XX веков позволяет выделить в развитии традиционной ойконимической системы два основных пути изменений: появление новых ойконимов в связи с возникновением новых объектов именованья, т.е. поселений, и смена первоначальных именованья на новые. Оба процесса происходили на протяжении XVI–XIX веков параллельно. Динамика определялась, с одной стороны, социально-экономическими процессами в развитии крестьянского сообщества, с другой – закономерностями развития самой ойконимной системы.

Прежде чем перейти к анализу выделенных трендов, следует пояснить, что он проводится на материале ойконимов Онежско-Ладожского перешейка – сельскохозяйственного в смысле экономики региона Карелии, крестьянское освоение которого началось в первые века II тыс. н. э. населением, которое в смысле этноязыковом может быть квалифицировано как древневепское. Позднее, в результате распространения сюда карельской колонизации из Северного Приладожья и активного карело-вепского контактирования, сформировались два карельских субэтноса – ливвики в западной и центральной части перешейка и людики в восточной. На юго-восточной окраине перешейка сохранилась группа вепских в этноязыковом плане поселений. На протяжении веков, особенно XX–XXI, происходило постепенное обрусение прибалтийско-финского населения территории, особенно в ее восточной части [Народы Карелии 2019]. Складывание сети постоянных поселений началось еще в новгородское время, на вепском этапе истории южной Карелии, а в дальнейшем с миграцией карелов она разрасталась.

Основным источником материала для статьи послужила ойконимическая подборка «Научной картотеки топонимов Карелии и сопредельных областей», содержащая около 10 000 собственно ойконимических фиксаций, а также создающаяся на ее основе ГИС «Топонимия Карелии». Однако сама постановка проблемы потребовала привлечения исторических данных. Поэтому дополнительно широко использован «Электронный каталог населенных мест Карелии XV–XXI вв.» (создан в ИЯЛИ КарНЦ РАН), объединяющий данные рукописных и письменных источников (в том числе писцовых и переписных книг, ревизских сказок, списков населенных мест разных веков)².

1. Развитие ойконимической системы, обусловленное становлением поселенческой сети

Сопоставление статистических источников разного времени позволяет выявить общую тенденцию к поступательному росту количества поселений и, соответственно, ойконимов от XV к XX веку. Бывали периоды откатов, например, в XVII веке, связанные с историческими и экономическими условиями того времени, вызывавшими запустение целых тетрриторий. При этом, однако, писцы сохраняли традицию прежних названий, поскольку дотошно указывали и исчезнувшие поселения, на месте которых позднее возникали новые, сохранявшие в документах в основном прежние названия или память о них: *На Шонд-озере Степанково посиденье* (1563), *На Шондозере Степанково*, *Каменнаволоок тож* (1582), *На Шондо-озере Степанково Каменной наволоок* (1646/47). Причиной такой стабильности было, с одной стороны, ограниченное количество пригодных для обработки земель, с другой, необходимость строго их учета, связанная с отражением налоговых и владельческих отношений. Иначе говоря, исчезновение поселений не вело за собой автоматически исчезновения его названия, во всяком случае, на официальном уровне. Оно, как правило, возрождалось при новом заселении покинутого места. Новые названия возникали при появлении поселений на незаселенных прежде местах.

²Данные исторических источников взяты из «Электронного каталога населенных мест Карелии XV–XXI вв.» (ИЯЛИ КарНЦ РАН). В статье использованы материалы писцовых и переписных книг (1563, 1582, 1617, 1678, 1696, 1707), ревизий (1720, 1749, 1782, 1850, 1858), списков населенных мест (1873, 1905). Отдельных ссылок в тексте статьи на них не делается, при необходимости отмечается дата появления документа.

Последовательное привлечение документов позволяет также выявить набор номинативных моделей, имеющих временные и территориальные рамки существования и увидеть динамику в их смене. Не все из них в равной степени показательны в этом отношении, поскольку в силу относительно длительного бытования моделей их формульность размыта. Но на этом фоне удастся выявить и своего рода маркерные для определения времени появления поселений модели. Далее внимание привлечено к одному такому характерному для южной Карелии ойконимному типу – это названия поселений, включающие в свою структуру карельский термин *selgy*, *selg(e)*, *šelg(e)*, широко бытующий в говорах для обозначения возвышенности, причем, такой, на которой делались подсеки (Гомсельга – люд. *Homšelg*, Каягина Сельга – люд. *Kaiganšelg*). Продуктивность термина в ойконимии южной Карелии даже привела к тому, что в ряде говоров ливвиковского наречия он (ливв. *selgy*) приобрел вторичную семантику ‘деревня’ [Кузьмин 2020, 199]. Прибалтийско-финский термин хорошо известен и в русских говорах (*сельга*) – как в качестве субстратного включения, так и заимствования. Карельские оригиналы сложной структуры передаются в русской интерпретации двояко: и как полукальки (*Кохтусельга*), и как словосочетания (*Исаева Сельга*).

Оказалось, что вплоть до середины XVII века в документах, отражающих поселенческую сеть Олонецкого погоста (а это большая часть Онежско-Ладожского перешейка), населенного карелами-ливвиками, отмечается только один ойконим с основным элементом *-селга*. Это *Сюхтоселга* или *Сехтоселга* на Тулмозере – исчезнувший к настоящему времени топоним с неясной этимологией. Зато начало XVIII века (1707 г.) знаменуется сразу более чем 30 топонимами этой модели. В Прионежье, основным населением которого были карели-людики, модель *-селга* фиксируется с конца XVII – начала XVIII в., при этом с припиской, констатирующей новопоселенный характер сележных деревень: *новый починок Ковко Селга, поселилось на черном лесу после писцов вновь* (1678), *Новый починок Ригой Сельга* (1696), *Новопоселенная после прежней переписи деревня На Видан-селги* (1749) и др. В ареале расселения прионежских вепсов модель впервые отмечает первая ревизия 1720 г. За этим процессом стоит т.н. внутренняя миграция из более ранних поселенческих центров, тяготевших к озерным и речным побережьям, на водоразделы, где на сельгах можно было заниматься подсечным земледелием. Первоначально это были однодворные сельскохозяйственные деревни, которые со временем могли как исчезнуть, так и разрастись в более крупные поселения. Появление их связано, конечно, с ростом населения после преодоления тяжелых последствий Смутного времени. Показательно, что планы Генерального межевания Олонецкой губернии конца XVIII века довольно однозначно свидетельствуют об ареальной дистрибуции ойконимов этой модели. Так, в людиковском Прионежье подавляющее большинство их привязывается к северной периферии ареала – территории в бассейне р. Суны, т.е. к наименее заселенным прежде местам, к водоразделам. Не столь выразительно, но тем не менее достаточно убедительно выглядит ситуация и западнее – в ливвиковском ареале, и южнее – в вепском Прионежье.

Для понимания генезиса самой модели, а также стоящих за ней этноисторических процессов важен еще один ареальный факт. Оказывается, что ойконимическая модель *-сельга* продолжается за северные границы людиковского ареала, на территорию смежной Семчезерской волости, расположенной уже в другой языковой зоне – собственно карельской. При этом за пределами данной волости на собственно карельской территории проявления модели минимальны. Очевидно, этот топонимический факт отражает определенные общие моменты истории двух названных ареалов в XVII-XVIII веках. За ним стоит отмечавшееся еще Д. В. Бубрихом диалектное влияние северных людиков на собственно карел на Суне и к северу от нее, вызванное развитием железорудного производства XVII-XVIII вв. и активным участием в нем северных людиков [Бубрих 1947: 45-46]. Модель *-сельга* / *-selgä* отражает продвижение их вверх по Суне, вторжение вглубь собственно карельской территории. Она вытесняет здесь синонимичную модель *-ваара* / *-vuara* (кар. *vuara* ‘гора, поросшая лесом’), которая активна как раз в собственно карельском ареале за пределами Семчезерской волости.

Появившись в XVII веке, модель продолжала быть активной, т.е. служила базой для рождения новых ойконимов вплоть до начала XX века. Она воспроизведена, к примеру, в наименованиях ряда новых сележных поселений, возникших в конце XIX века в связи сельскохозяйственной реформой, а затем и в начале XX века, как наименования хуторских и отрубных хозяйств, появившихся в рамках столыпинской реформы. Иначе говоря, хронологические рамки бытования модели довольно длинные, однако на всех этапах появление поселений на сельгах связано с разрастанием поселенческой сети, выходом ее за пределы озерных и речных побережий и освоением водоразделов – прежде всего, сележных ландшафтов как наиболее благоприятных для земледелия.

Названия сележных поселений строятся по двум моделям. В первом случае они воспроизводят наименования природных объектов, которые стали предметом внимания, видимо, в связи с разработками подсеки: современная деревня *Мянсельга* в бывшем людиковском Прионежье («д. Мян Селга на черном лесу, поселилась вновь» 1678 г.) в 1720 г. числится как Мянда Селга, что однозначно реконструирует в топониме кар. *mänd* ‘сосна (с рыхлой заболонью)’. В свою очередь, в карельском ойкониме *Нинисельга* (первая фиксация в 1707 г.) – ливв. *Niinselgy* элемент *niini* значит ‘липовое лыко; липа’, т. е. топоним прямым (*niini* ‘липа’) или косвенным (*niini* ‘липовое лыко’) образом указывает на произраставшую на острове липу – маркер плодородных почв на севере. Кстати, модель *Niinselgä* (в зависимости от языка, диалекта или говора *Ninsel’g*, *Niinselgy*, *Niiselgy*) повторяется в регионе южной Карелии неоднократно и может по праву считаться типовой – как номинирующая сельги, пригодные для сельскохозяйственного освоения.

Вторая модель – антропонимическая, естественная для именовании сельскохозяйственных поселений. В них сохраняются карельские варианты православных имен, а также некалендарные имена. Для примера, Гурсельга – люд. *Huršelg*, известная также под говорящим названием *Новожиловская*, содержит в основе кар. *Huroi* ← рус. Гурий. В Тенгусельга – ливв. *Tehnonselgy* сохраняется, видимо, родовое имя основателя поселения *Tenhu*, *Tenho* ← *tenho* ‘знахарь, волхв’ [SSA 3, 283], а в Ваньгинова Сельга – вепс. *Vanhimansel’g* – вепс. **Vanhim*, от приоб.-фин. *vanhin* < **vanhim* ‘самый старший’.

Нижней границей ойконимов «сележной» модели для территории южной Карелии является, таким образом, вторая половина XVII – начало XVIII века. Она маркирует вторичное освоение территории из очагов первоначального заселения. Лишь в исключительных случаях «сележные» ойконимы получают статус именовании гнезд поселений и волостей. И это понятно: сележные ландшафты, имея ограниченную площадь, не давали возможности для роста поселения. Так, из десятка вепсских поселений XVIII века на сельгах лишь одно – Матвеева Сельга (вепс. *Matfejansel’g*) стало селом, имевшим свою церковь и включавшим в свой состав 5 отдельных деревень.

При этом, подобно другим ойконимным группам (см. об этом в следующем разделе статьи), поселения на сельгах далеко не всегда сохраняли первоначальное название. Просматривается явная тенденция к постепенной замене исторических сележных ойконимов, в тренде оказываются именованные, базирующиеся на антропонимах разного рода. В вепсском ареале на месте *Курсельги* в XIX закрепляется *Матвеева Сельга* – вепс. *Matfejansel’g*, при современной фамилии жителей Матвеевы. Деревня Каягина Сельга – люд. *Kajaganšelg*, *Kaiganšelg* возникла во второй половине XVII века и первоначально была записана под именем *Маркова Селга*, затем (видимо, с 1720 г.) оба названия бытовали параллельно [Витов, Власова 1974, 96], пока к середине XIX в. *Каягина Сельга* не закрепилось как единственное (1858, 1873). В ее основе нехристианский людиковский антропоним, родовое имя *Kajag* ← люд. *kajag* ‘чайка’. Имя не входило в число популярных, но его следы сохранились в финской фамилии *Kajava* [Sukunimet 1992]. В ливвиковской ойконимии примерно треть из зафиксированных впервые в 1707 г. «сележных» поселений ныне стала именоваться по-другому: дер. *Койвусельга* – ливв. *Koivuselgy* (*koivu* ‘береза’) известна также как дер. *Еройлу* – ливв. *Jeroilu* (*Jeroi* – ливвиковский вариант календарного русского Еремей), а *Пертусельга* – ливв. *Pertiselgy* (*perti* ‘изба’) по-карельски именуется *Kekšoilu* и соотносится, конечно, с местной фамилией Кекшоевы, которая, в свою очередь, базируется на родовом прозвище **Kekšoi* ← ливв. *kekšoi* ‘большой живот’. Оба ойконима оформлены суффиксом *-lu* с локативной семантикой, первоначально свойственным именованию домов, в которых присоединялся к имени (в том числе родовому) его владельца. Подобные переименования или параллельно существующие отантропонимные именованные многочисленны. И хотя отсутствие документальной базы не позволяет установить во всех случаях конкретную причину переименования, такой сценарий хорошо вписывается в общую парадигму сменяемости наименования на протяжении жизни малодворного поселения. Сельги как объекты рельефа, имевшие названия, становились местами поселений, и закономерным образом имя владельца крестьянского двора переносилось на название поселения. Соответственно, смена владельца могла привести и к смене названия.

В XIX веке продуктивность приобретает модель ойконимов, совпадающих по облику с антропонимом, т. е. именование человека закрепляется в роли именовании поселения. Во многих случаях сележные деревни приобрели новые названия, образованные именно по этой модели: Мурдосельга – ливв. *Griišu*, Нинисельга – ливв. *Vuačči*, Везойсельга – ливв. *Šutti*. В первых двух примерах отразились карельские варианты православных имен (*Griišu* – Григорий, *Vuačči* – Василий), в последнем –

карельский патроним или родовое прозвище жителя: Šutti ‘оборванец; развалина, жалкое существо’ [KKS 5, 576]. Они свидетельствуют, конечно, о развитии системы, о закреплении в народной практике ойконимов, восходящих к именам современных жителей этих одно- или малодворных поселений (см. подробнее в следующем разделе статьи). Очевидно, модель, ставшая особенно востребованной в связи с реформами землевладения конца XIX – начала XX вв., постепенно перекинулась и на другие топонимные типы, вовлекла их в свою сферу. В этом смысле особенно показательны примеры карельских народных соответствий, когда русский официальный отыменный ойконим сложной структуры преобразовался в карельском бытовании в простой: Емельянова Сельга – ливв. *Omel’l’u*, Ефимова Сельга – ливв. *Jouhki*, Терусельга – ливв. *Teru*, Кяписельга – ливв. *Käppi* и др. В первых трех топонимах представлены карельские варианты соответствующих русских календарных имен: *Omel’l’u* – Емельян, *Jouhki* – Ефим, *Teru* – Терентий, в четвертом – карельское прозвищное именование *Käppi* ← *käppi* «тощий, маленький, некрасивый человек».

Неофициальный, народный уровень именованья более подвижен по сравнению с официальным, где продолжали бытовать, переходя из документа в документ, традиционно закрепившиеся на более раннем этапе модели. Поэтому в русском, т.е. официальном, употреблении сохраняются сложные по форме сележные топонимы, которые в карельском и вепском бытовании видоизменились, сократились, практически перешли в другую модель.

2. Из народного в официальное

Как отмечалось выше, что названия т.н. кустов поселений отличались значительной устойчивостью. Большая часть их сохранилась в неизменном виде еще с самых первых письменных фиксаций XV–XVI веков. Наоборот, названия отдельных деревень, входящих в куст, значительно более подвижны: одни исчезают из источников, другие, наоборот, появляются. Показательно, к примеру, что не увенчались успехом поиски названий ни одной из 24 деревень, входивших начале XX века в состав вепской Шелтозерско-Бережной волости в [СНМ 1905, 56], в числе тех, которые отмечены в писцовой книге 1563 года. Это, однако, вовсе не означает, что между деревнями XVI и XX вв. нет преемственности. Сквозной просмотр линейки документов разного времени позволяет констатировать, что подавляющая часть поселений существовала уже к XVI веку, но их названия на протяжении веков менялись. Дер. *Минина Гора* (вепс. *Miinamättaz*, *-mättaz* ‘гора’) в составе вепского села Шелтозера на берегу р. Шелтозерки упоминается впервые в материалах 9-й ревизии 1850 г., при том, что само поселение зафиксировано уже в конце XVI века под названием *Елексеевская*, и пережило на каком-то этапе запустение: дер. *Елексеевская* (1582) → *пустошь Олексеевская* (1617) → *что была пустошь Алексеева у речки Шелтозерки* (1707) → *что была у речки Шелтозерки пустошь* (1749) → *что была у речки Шелтозерки пустошь* (1782) → *у речки Шелтозерки / Минина Гора* (1850) → вепс. *Miinamättaz*. Повторяющееся рефреном из документа в документ определение «у речки Шелтозерки», а также устойчивая последовательность перечисления деревень в документах разного времени позволяют выстроить полный хронологический ряд переименований. Возраст поселения оказывается значительно старше первого упоминания его названия в источниках.

Этот пример отражает характерную для документального уровня преемственность в облике внесенного в реестр названия. Будучи единожды записанным, название, как правило, затем переходило из документа в документ в первоначальном виде. Для официального уровня именованья эта преемственность была существенна с позиций владельческих отношений и налогообложения. В нашем примере память о том, что деревня запустевала на рубеже XVI–XVII в. или в самом начале XVII века, дожила практически до XIX века.

Однако в устной народной среде такой жесткой преемственности не было. Бытовавшие в народной среде ойконимы живо реагировали на изменение обстоятельств, связанных с жизнью поселения, сменой владельца двора и т. д. Здесь складывались свои системы именованья, не привязанные жестко к официальным топонимам реестров. В результате со временем мог образовываться разрыв между записанным и устным названием. Он был известен писцам, и время от времени они были вынуждены уточнять, о каком именно поселении идет речь, и приводить рядом с документальным названием и народное. Для этого использовали формулу «а в волости зовут», «словет» или «тож»: *на реке на Мегре Михеевская, Теряевская тож; На Шокии же Ребуевская словет Парфеевская; В Розмеге Якимовская, Гришинская тож.*

Именно в этом обстоятельстве кроется основная причина смены названия на протяжении жизни поселения. Вначале рядом с официальным именованием, наследованным из предшествующей описи, появляется народное, «волостное», которое затем становится основным и смещает исторический топоним. Особенно масштабная ревизия произошла в середине XIX века. Ее отразили ревизские сказки, особенно 9-я ревизия 1850 г. Во многих случаях она приводит рядом традиционное название, наследуемое еще со времен первых писцовых книг, и более позднее. Без этих материалов было бы затруднительно восстановить исторические корни многочисленных поселений на территории южной Карелии. Процесс был явно характерен для всей южной Карелии. Он доказан, к примеру, для Кижской волости [Воробьева 2014] и актуален для людиковского и вепсского Прионежья [Муллонен, Жуков 2020; Муллонен 2021], а также ливвиковского Сямозерья [Афанасьева 2020]. Видимо, на самом деле он носил масштабный характер и был санкционирован каким-то специальным документом, который, к сожалению, не удалось пока отыскать.

При этом в подавляющем большинстве случаев народный вариант, появившийся впервые в ревизиях середины XIX века, доживает до наших дней. Иначе говоря, с середины XIX века не происходило масштабных переименований. И это понятно: к этому времени уже полностью устоялась структура отдельных деревень, входивших в состав кустов поселений. Они уже не запустевали, как раньше. А значит, не было необходимости их переименовывать, например, в связи со сменой жителей. Да и официальные варианты ойконимов в связи с модернизацией общества получали бытование и в народной среде. Динамика наблюдается в это время в основном в ойконимах, привязанных к поселениям, расположенным за пределами центра волости. Последние образовались в ходе внутренней миграции из волостных центров на протяжении XVIII–XIX веков, были одно- или малодворными, не имели устойчивой длительной письменной (официальной) традиции. Именно среди названий этой группы поселений отмечается несоответствие между русским и национальным (вепсским или карельским) вариантом, уже представленном в предыдущем разделе статьи. В вепсском Прионежье таковы деревни *Isak* (при русском официальном ‘Качезеро’), *Ondr’ušk* (‘Масляная Гора’), *Onašk* (‘Гузозеро’). В то время как официальные русские названия основаны на соответствующих именовании природных объектов, при которых возникли поселения, в народных вепсских закрепился антропоним – фамилия, родовое или личное имя, прозвище поселенца. Эти народные именованья появились или приобрели популярность уже после середины XIX века и не успели войти в процесс перехода в статус официальных. Собственно, об этом же свидетельствует и их структура: ойконимы, идентичные по облику антропонимам, в массе своей возникали на рубеже XIX–XX веков. Отмеченные народные вепсские варианты записаны в ходе полевых сборов топонимии, у них нет официальной истории. Их ценность как раз в том, что они свидетельствуют об инновативном характере народной ойконимической системы и непрерывном процессе формирования новых названий, позволяя тем самым полагать, что такая же модель действовала и в прошлом.

Итак, один из важных элементов в развитии ойконимической системы – это взаимодействие двух уровней функционирования названий: официального и неофициального. При этом ведущим звеном в этом процессе является народная ойконимия, а официальная приводится периодически в соответствие с не официальной. На каком-то конкретном этапе официальный ойконим может быть старше народного, однако в целом, в исторической перспективе, он вырастает из народного, вторичен по отношению к нему. В этом смысле можно говорить о том, что народный ойконим старше официального. Другое дело, недостаточно материалов, чтобы сказать, насколько старше. Редкая удача, если удастся документально доказать возраст народного топонима.

3. Ойконимия Олонца в контексте этнокультурной истории XVII века

В предыдущих разделах статьи приводились уже факты этноисторического потенциала ойконимии, причем, не только как подтверждения известных исторических коллизий, но как источник новых знаний.

Следующий сюжет является показательным примером развития ойконимической системы, вызванного выходом народной топонимии на официальный уровень и притоком нового населения, сопровождавшегося развитием поселенческой сети. Он связан с топонимией древнего Олонцкого погоста, объединявшего территорию в юго-восточном Приладожье и населенного карелами-ливвиками. Здесь в устной карельской практике широко бытует ойконимия т.н. *-l*-ового типа, в которой фонетические варианты *-l*-ового форманта (*-l*, *-la*, *-lu*) присоединяются к основе, выраженной антропонимом:

Āimil – Чимилицы, *Hukkal* – Хуккала). Формант с локативной семантикой имеет глубокие прибалтийско-финские корни [Nissilä 1962, 91-92, Ainiala и др. 2012, 69]. В официальной русской практике карельский формант передается либо способом прямой адаптации (*Hittoilu* – Гиттойла, *Teppul* – Тенпула), либо дополняясь традиционным русским ойконимным формантом *-ицы/-ичи*, который в современном бытовании приобретает нередко вид *-ица*: *Sudal* – Судалица, *Järčyl* – Ярчулицы (Рис. 1).

Рис. 1. Ойконимы с формантами *-ици / -ицы* и *-лы* (ливв. *-l*, *-lu*) в окрестностях г. Олонца (конец XVIII в.)³

При этом первоначально в документах писцового дела происходило не дополнение, а замещение *-l*-ового суффикса концовкой *-ицы/-ици* (*Куневици*, *Ваченицы* и др.). Исторические документы свидетельствуют о том, что в XVI – первой половине XVII вв. однозначно господствовала модель *-ици/-ицы*, а прямое усвоение вдруг становится актуальным в середине XVII века. Иначе говоря, в это время некоторая часть ойконимов переходит из модели *-ици/-ицы* в прямую адаптацию, т.е., собственно, в документе начинает воспроизводиться карельский оригинал без русского суффиксального оформления: историческое *Валовичи* начинает передаваться как *Валойла* (1657⁴, 1667⁵, 1707) при ливв. *Valoilu*, *Хошкиницы* (более раннее *Кошкиницы*) – как *Гошкила* (1646/47, 1667, 1707), ливв. *Noškil*, *Емчины* – *Емчила* (1657, 1667, 1707), ливв. *Jetčil*, *Чимилицы* – *Чимила* (1657, 1667), ливв. *Āimil* и некоторые другие. И это при том, что еще буквально за десять лет до этого, в писцовой книге 1646/47 года представлена традиционная модель *-ици/-ицы*. Почему так происходит? Можно с достаточной уверенностью говорить о том, что на официальный уровень бытования выходят неофициальные, народные карельские варианты топонимов. Они зафиксированы в двух документах XVII века, которые имеют иной статус по сравнению с писцовыми книгами: список 1657 года представляет собой солдатскую перепись, а 1667 года – перепись карел-зарубежных выходцев, перебравшихся на территорию Олонецкого погоста из шведской части Карелии. Они, как представляется, не были жестко связаны с материалами писцового дела и оперировали в том числе народными карельскими ойконимами.

У такой трансформации была историческая подоплека. В XVII веке территория Олонецкого погоста активно осваивается приладожскими карелами, «зарубежными выходцами», для которых ойко-

³ Воспроизводится по Плану Генерального межевания Олонецкого уезда Олонецкой губернии 1778–1796 [http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-oloneckogo-uezda].

⁴РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонц. Д. 5. 1657 г. Солдатская перепись Ивана Дивова.

⁵РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонц. Д. 3. 1667 г. Переписная книга карел-зарубежных выходцев в Олонцком и Заонежских погостах Олонецкого уезда. 114 л.

нимы на *-la* были обычны, в то время как русская модель *-ичи* мало знакома. Это могло способствовать закреплению карельских *-l*-овых ойконимов и в официальном русском бытовании. Недаром целый ряд этих «карельских» форм отразился и в писцовой книге 1707 года, т.е. произошла некоторая переориентация со старой традиционной модели адаптации, использующей характерный для русской ойконимии формант *-ичи/-ицы*, на новую, опирающуюся полностью на карельский оригинал. Ситуация воспроизводится впоследствии в документах на протяжении XVIII–XIX веков, например, в ревизских сказках. Появление нового населения и, соответственно, поселений внесло коррективы в традиционную ойконимическую систему.

С представленной выше трансформацией в облике официальных олонекских ойконимов, происшедшей в XVII веке, согласуется и другая, относящаяся к этому же времени. Традиционно концовка *-ичи/-ицы* выступала в документах XVI – начала XVII вв. в связке с поссессивными суффиксами *-ин/-ен* и *-ов/-ев-*, т.е. *Ваченицы, Куневичи, Таченицы, Рыпушкиницы* и т.д. Однако в документах второй половины XVI века можно наблюдать, как меняется облик ойконимов и место названных поссессивных формантов занимает *-l*-овый элемент: *Вачелицы, Кунелицы, Тачилицы, Рыпушкалицы*. И если в XVII веке еще наблюдаются колебания, то писцовая книга 1707 года окончательно закрепляет новое написание, которое сохраняется и поныне. За *-l*-овым элементом скрывается, конечно, прибалтийско-финский *-l*-овый ойконимический формант. Карельские оригиналы перечисленных выше русских форм выглядят как *Vuaččil, Kuunil, Taččoilu, Riipuškäl*. Иначе говоря, на этом этапе сменилась сама первоначальная идеология, в соответствии с которой в ходе адаптации русский формант *-ичи* (в связке с *-ов-* или *-ин-*) замещал прибалтийско-финский *-l*-овый суффикс. Здесь же последний сохраняется, очевидно, в силу того, что в это время возрастает его роль в регионе восточного Приладожья в связи со значительным притоком карельского населения из приграничной Карелии, где, повторюсь, *-l*-овая модель отличалась большой продуктивностью. Иначе говоря, оба засвидетельствованных в документах XVII вв. нововведения могли быть спровоцированы развитием этноязыковой ситуации в районе. Показательно, что за пределами территории исторического Олонецкого погоста, в вепском Присвирье и северном Обонежье первоначальный облик русских соответствий *-l*-овых ойконимов сохранился в неизменном виде: *Шеменичи, Руссконицы, Мустиничи, Вачукиницы* и др.

За закреплением модели *-la* в документах Олонца стоит, таким образом, два процесса: с одной стороны, появление новых ойконимов *-l*-ового типа, связанное с миграцией населения, с другой, спровоцированный ею (миграцией) выход на официальный уровень бытования народных названий на *-la*, уже существовавших в округе Олонца деревень. Они были более привычны для новых поселенцев, чем модель *-ицы/-ичи*.

При этом, однако, есть некоторые устойчивые к нововведению ойконимы. Это, засвидетельствованные еще в самых ранних документах названия, облик которых устоялся за столетия. Приверженность традиционной модели *-ичи/-ицы* сохранили *Кунелицы (Куневичи), Рыпушкалицы (Рыпушкиницы), Тачалицы (Таченицы), Мойжевичи, Вачелицы (Ваченицы)* и некоторые другие. Можно предположить с осторожностью, что это наименования наиболее ранних поселений Олонецкой округи, сформировавшихся еще на новгородском этапе. Остается вопросом, могли ли они возникнуть еще в вепское время, до карелизации низовий реки Олонки? Есть целый ряд доказательств как языкового, так и историко-археологического порядка вепского прошлого территории юго-восточного Приладожья и даже шире – Онежско-Ладожского перешейка. Перечисленные ойконимы на *-ицы / -ичи* в Олонецкой округе в принципе входят в единый ареал с соответствующими ойконимами на *-ичи/-ицы* в вепском Присвирье, располагаясь на его северо-западной окраине. Так что в этом контексте вопрос о ранних, еще вепского времени, истоках поселений, в русских названиях которых устойчиво на протяжении веков сохранялся формант *-ичи/-ицы*, вполне допустим, хотя конкретный ответ на него требует дополнительных изысканий. Однако, в любом случае, история функционирования адаптационной модели *-ичи/-ицы* способствует реконструкции событий XVII века, принципиально важных для этнокультурной истории Олонецкой округи и формирования ливвиковского наречия в составе карельского языка.

Выводы

Преимущество ойконимии на фоне других топонимических разрядов заключается в том, что она имеет документальную историю. Анализ целой линейки документов позволил проследить динамику в развитии ойконимической системы южной Карелии на протяжении пятисот лет и доказать,

что ее формировали два процесса: рождении новых ойконимов, связанных с развитием самой поселенческой сети, и смена старого названия на новое. При этом выбор моделей именования менялся от века к веку. Выявлена и проанализирована т.н. «сележная» модель ойконимов, массовым образом появившаяся на территории южной Карелии на рубеже XVII-XVIII веков в связи с сельскохозяйственным освоением водораздельных территорий в условиях роста населения. Нововведения носили и ареальный характер: модель –la XVII века в редких случаях вышла за пределы приладожского / ливвиковского ареала на Онежско-Ладожском перешейке и была связана с массовой миграцией карелов из Северного Приладожья. Ареальные и хронологические рамки бытования топонимических моделей – важный ресурс для этноисторических изысканий.

В свою очередь, смена названия в традиционной ойконимии, вызвана взаимодействием двух уровней функционирования топонима – официального и народного. Первый, призванный фиксировать налогообложение, владельческие отношения, их преемственность, отличается стабильностью. Второй, наоборот, подвижен. На это указывают документы, вынужденные нередко приводить неофициальное именование рядом с официальным, сопровождая его пометками «словет», «тож», «в волости зовут». Об инновативном характере народной ойконимической системы и непрерывном процессе формирования новых названий убедительно свидетельствуют и полевые материалы, которые в целом ряде случаев демонстрируют несовпадение официального и народного ойконима. Время от времени народные именованья переводились на уровень официальных, обеспечивая таким образом динамику в развитии ойконимической системы. За появлением нового названия, как и за исчезновением топонима со страниц официальных документов в значительном числе случаев стоит, таким образом, не рождение или исчезновение поселения, а придание народным названиям или формам статуса официального. Важно, что выявленный в ходе анализа механизм взаимосвязи официального и народного варианта названия позволяет во многих случаях удлинить историю самого поселения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

вепс. – вепсский язык

ливв. – ливвиковское наречие карельского языка

люд. – людиковское наречие карельского языка

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева А. А. Этапы формирования ойконимической системы Вешкельской волости // Филологические исследования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. Вып. 12. URL: https://academy.petsu.ru/journal/content_list.php?id=12861 (дата обращения: 15.06.2022).

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1947. 52 с.

Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. Москва: Наука, 1974. 190 с.

Воробьева С. В. Деревни Кижской волости в XVI — начале XX в. (по архивным источникам) // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на заонежской земле: сборник статей. Петрозаводск: Издательский центр музея-заповедника «Кижь», 2014. С. 229–256.

Кузьмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск: Периодика, 2020. 268 с.

Муллонен И. И., Жуков А. Ю. Динамика развития ойконимической системы в северолюдиковском языковом ареале // Научный диалог. 2020. № 5. С. 113–131. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131.

Муллонен И. И. Топонимические маркеры эволюции поселенческой сети в вепсском Прионежье // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 43, № 7. С. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.675

Народы Карелии. Историко-этнографические очерки. Отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 750 с.

Спирidonov А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье [Электронный ресурс]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 162 с. URL: http://carelica.petsu.ru/Reading_hall/SPIRIDONOV/Spiridonov.pdf – (дата обращения: 15.06.2022).

Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / составил действительный член-секретарь комитета И. И. Благовещенский. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1907. 326 с.

Ainiala T., Saarelma M., Sjöblom P. Names in Focus. An Introduction to Finnish Onomastics. *Studia Fennica Linguistica* 17. Helsinki: Finnish Literature Society, 2012. 287 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.21435/sflin.17>

Karjalan kielen sanakirja. V. Edit. by R. Koponen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. 634 s.

Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki: Otava, 1992.

Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1962. – 220 s.

Поступила в редакцию 24.07.2022

Муллонен Ирма Ивановна,

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор,
главный научный сотрудник сектора языкознания

Институт языка, литературы и истории РАН

Карельский научный центр

185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

E-mail: irma.mullonen@hotmail.com

I. I. Mullonen

OIKONYMIC SYSTEM OF SOUTH KARELIA IN ITS DEVELOPMENT

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577

The system of Karelian oikonyms of South Karelia is analyzed from the point of view of its development in time. For this, along with modern field materials, a wide range of historical sources (cadastres, census books of the 15th–17th centuries, revision materials of the 18th–19th centuries, historical maps, as well as some other documents of past centuries) are involved. As a result of the study, two clear trends in the development of the oikonym system were traced: the birth of new oikonyms - the names of newly emerged settlements, and the change of former oikonyms to new ones. These processes proceeded in parallel and were provoked by the socio-economic development of the peasant community. It was revealed that certain models existed in a certain time period and, due to this, can serve as chronological markers for studying the formation of the settlement system. Such is the model of complex oikonyms with the main element *-selgä / -selga*, marking the settlements of the watershed type, which began to appear in southern Karelia at the turn of the 17th–18th centuries during the internal migration of the population.

It has been proved that the process of interaction between two levels of nomination: official (written) and unofficial (oral) is at the heart of the change of oikonym in traditional oikonymy. The first strove for stability, the second, on the contrary, was unstable, which led to a gap between them and the need from time to time to transfer unofficial names to the official level. A large-scale renaming that affected all of southern Karelia occurred, judging by statistical documents, in the middle of the 19th century. At the same time, field materials contain many informal variants of oikonyms that are not recorded in official sources.

It is shown that the analysis of the dynamics in the development of the oikonymic system is promising for the reconstruction of ethno-linguistic and historical-cultural processes. It is proved that the appearance in the 17th century on the territory of the ancient Karelian administrative center Olonets of a whole layer of oikonyms with the formant *-la* (Karelian *-l, -lu*) and their entry into the official level of existence was caused by the active migration of settlers from the Ladoga region. It played a decisive role in the formation of the Livvik dialect as part of the Karelian language.

Keywords: oikonymy, anthroponymy, toponymic models, official and unofficial oikonyms, cadastres, Karelian language, Karelia.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 567–577. In Russian.

REFERENCES

Afanasjeva A. A. Etapy formirovaniya oikonimicheskoi sistemy Veckelskoi volosti [Stages of formation of the oikonymic system of the Veshkel volost]. In *Filologiceskije issledovanija* [Philological research]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU. 2020. Vyp. 1. URL: https://academy.petrso.ru/journal/content_list.php?id=12861 (accessed 15.06.2022). (In Russian).

Bubrikh D. V. Proishozhdenie karel'skogo naroda [The origin of the Karelian people]. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR, 1947. 52 p. (In Russian).

Kuzmin D. V. Slovar' karel'skoi narodnoi geograficheskoi terminologii [Dictionary of Karelian Folk Geographical Terminology]. Petrozavodsk: Periodika, 2020. 272 p. (In Russian).

Narody Karelii. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays]. Edit. by I. Yu. Vinokurova. Petrozavodsk: Periodika, 2019. 750 p. (In Russian).

Spiridonov A. M. Zapadnoye Prionezhye: iz «saamskogo zheleznogo veka» v Srednevekovye [Western Prionezhye: from the “Sami Iron Age” to the Middle Ages.] Petrozavodsk: Izdatelstvo PetrGU. 2014. 162 p. URL: http://carelica.petrstu.ru/Reading_hall/SPIRIDONOV/Spiridonov.pdf (accessed 15.06.2022). (In Russian.)

Spisok naseleennyh mest Olonezkoj gubernii posvedeniyam za 1905 god [List of populated places in the Olonets province according to information for 1905]. Petrozavodsk, 1905. (In Russian).

Vitov M. V., Vlasova I. V. *Geografiya selskogo rasseleniya Zapadnogo Pomorya v XVI—XVIII vekakh* [Geography of the rural settlement of Western Pomor coast in XVI - XVIII centuries]. Moskva: Nauka. 1974. 190 p. (In Russian).

Vorobyeva S. V. Derevni Kizhskoy volosti v XVI — nachale XX v. (poarkhivnym istochnikam) [Villages of the Kizhi volost between XVI and early XX centuries (according to archival sources)]. In: *Tserkov' Preobrazheniya Gospodnya na ostrove Kizhi: 300 letna zaonezhskoy zemle: sbornik statey* [The Church of the Transfiguration on Kizhi Island: 300 years on Zaonezhye land: Collection of articles]. Petrozavodsk: Izdatelskiy tsentr muzeya-zapovednika «Kizhi». 2014. P. 229—256. (In Russian).

Mullonen I. I. Toponimicheskie markery evol'uzii poselencheskoi seti d vepsskom Prionezhye [Toponymic markers of the settlement Network Evolution in veps Proinezhye]. In: *Ucenyje zapiski PetrGU*. 2021, 43, № 7. P. 8—18. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.675. (In Russian).

Mullonen I. I., Zhukov A. Yu. Dinamika razvitiya oikonimicheskoi sistemy v severolydikovskom jazykovom areale [Dynamics of development of oikonymic system in northern Lyudik language area]. In: *Nauchnyi Dialog*. 2020;5:113—131. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-113-131 (In Russian).

Ainiala T., Saarelma M., Sjöblom P. Names in Focus. An Introduction to Finnish Onomastics. *Studia Fennica Linguistica* 17. Helsinki: Finnish Literature Society. 2012. 287 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.21435/sflin.17>

Karjalan kielen sanakirja. V. Edit. by R. Koponen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. 634 s. (In Finnish).

Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki: Otava, 1992.

Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1962. – 220 s.

Received 24.02.2022

Mullonen Irma Ivanovna,
Doctor of Sciences (Philology), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences,
Professor, Chief Research Fellow,
Department of Linguistics
Institute of Language, Literature and History
Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya Str., Petrozavodsk, 185910, Russia
E-mail: irma.mullonen@hotmail.com